1939
327

ПЕТР I

ИСКУССТВО
ленинград — 1939

Цена 2 р. 25 к.

[illegible]	Инвентарный №
Ш38 321	1033079
	№ тома
	[illegible]
5	Количество страниц
	[illegible]
25 л.	Таблиц, карт, иллюстраций
	[illegible]
	Дефекты
	[illegible]
25/5 51	[illegible]

И38 321

АЛЬБОМ РИСУНКОВ

Д. ШМАРИНОВА

НА ТЕМЫ РОМАНА

А. ТОЛСТОГО

ПЕТР I

Редактор *Л. М. Тарасов*

Художник *Е. И. Коган*

Технический редактор *Э. Гец*

А03402 «Искусство» 11067. Подп. к печ. 15/VI 1950 г.
Печ. л. 11,48. Уч.-изд. л. 5,25. Т. 1500. Зак. 125.

Цена 25 р. Переплет 3 р.

Москва, ул. 25 Октября, 5.
17-я тип. Главполиграфиздата.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
183078

Альбом иллюстраций к роману А. Н. Толстого „Петр I“, выполненных Д. А. Шмариновым, продолжает традицию, давно установившуюся в русском искусстве. От „Душеньки“ Федора Толстого через „Мертвые души“ Агина—Бернарского до альбомов с рисунками Петра Соколова, Каразина и многих других проходит путь альбомной графики. Основные черты, присущие этой любопытной и поучительной форме изобразительного искусства, достаточно определились. Главная из них — это „классичность“ текста, полагаемого в основу рисунков, обращение художника к признанным памятникам национальной литературы.

Роман А. Н. Толстого „Петр I“ пользуется большой популярностью у советского читателя. Написанный великолепным образным языком, мастерски вскрывающий движение исторического процесса, „Петр I“ является подлинно классическим произведением советской литературы.

„Он имел добрый талант, — сказал о А. Н. Толстом поэт Н. Тихонов. — Он проходил через самые мрачные картины прошлого с высоко поднятой головой человека, уверенного в прекрасном будущем родного народа. Оттого не мраком и холодом веет от жестокой и грозной Петровской эпохи, а предвосхищением новых дней еще небывалого расцвета“ („Правда“, 25/II 1945 г.).

Вот почему роман не только художественно радует нас, но и обогащает познавательно.

В лице Д. А. Шмаринова роман нашел достойного иллюстратора. Для художника он явился поводом к созданию станковых иллюстраций на тему о Петре I. Они привлекают внимание зрителя и как превосходное воплощение и истолкование литературного текста и как исторические иллюстрации в собственном смысле этого слова. Двадцать пять листов, помещенных в альбоме, составляют основную часть обширной сюиты, показывающей эпоху и личность Петра.

Заслуженный деятель искусств РСФСР лауреат Сталинской премии Дементий Алексеевич Шмаринов родился в 1907 году в семье агронома. В Киеве получил он начальное художественное образование, которое подготовило его к серьезным занятиям в Москве у академика Д. Н. Кардовского. Владея законченным, глубоко продуманным методом преподавания, угадывая природу и характер дарования юного ученика, Д. Н. Кардовский направил его в сторону композиционных работ. Он подготовил его к ответственной деятельности художника-иллюстратора.

С 1923 года Шмаринов начинает работу в периодической печати, а четыре-пять лет спустя он становится признанным книжным иллюстратором.

Большое значение в развитии молодого мастера имела работа над произведениями Горького. Творческое общение с великим писателем многое подсказало художнику. Исключительное внимание Алексея Максимовича ко всякому истинному дарованию сказалось в ряде подробных направляющих указаний. Оборотная сторона многих рисунков Шмаринова была испещрена пометками писателя.

Дальнейшая работа художника проходила в области иллюстрирования произведений русских классиков. Шмаринов сумел почувствовать своеобразие творчества Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Аксакова, Достоевского и др. Работы его являлись примерами проникновенной интерпретации классического текста. Он иллюстрировал также произведения советских писателей: Горького, Шолохова, Панферова, Катаева, и социалистическая действительность нашла достойное выражение в его рисунках.

К 1939 году относится начало работы Шмаринова над романом А. Н. Толстого „Петр I“. Серию своих иллюстраций, состоявшую из тридцати пяти рисунков, художник завершил в 1945 году, уже после окончания Великой Отечественной войны; в 1947 году он добавил еще один рисунок—„Бой под Нарвой“. Работа, захватившая художника, получила заслуженное признание. Связанная по существу с текстом писателя, она приобрела самостоятельное значение как произведение на общую тему. Образ Петра I получил у художника достойное выражение.

Тема „Петра“ не являлась новой ни для русской литературы, ни для изобразительного искусства: от „гениального зачинателя“

Ломоносова через Радищева и Пушкина до Льва Толстого, в области слова, и от того же Ломоносова, как автора монументальной мозаики, до Ге, Сурикова, Репина, Антокольского, Рябушкина, Серова образ Петра I привлекал наших крупнейших мастеров.

То величавый, то грозный, то полководец, то строитель, то державный правитель, то человек и отец — в драматической роли обвинителя и судьи проходит Петр через русское искусство. Его мощная фигура захватывала художников значительностью для отечественной истории как образ создателя могучего национального государства, как личность огромной неукротимой энергии.

Большое мастерство требовалось от писателя, чтобы ваяться за подобную тему и дать ей достойное выражение; имея за собой сложившуюся традицию, преодолеть ее, не искажая исторической действительности, раскрывая ее в свете своей эпохи.

Все это блестяще удалось А. Н. Толстому. Ему удалось и большее, нежели его предшественникам. Закономерность петровских начинаний показана писателем как результат усилий великого народа в его борьбе за всемирно-историческое место. Он раскрывает творческий гений русского народа и теснейшую связь с ним Петра. В широкой картине тогдашней России развертывается борьба двух начал, в которой Петр выступает как могучее орудие истории, как крупнейший национальный деятель. Такое понимание личности Петра могло получить свое художественное воплощение лишь у писателя нашей эпохи, у современника Октябрьской социалистической революции и Великой Отечественной войны, творчески возмужавшего в свете ленинских идей. Этим же путем, следуя тем же идеям, шел и художник.

Его сюита, кроме иллюстративных моментов, включает три портрета Петра.

Юношей представлен он на первом. Еще вся жизнь, вся деятельность его впереди. Впереди стрелецкие бунты и заговор Циклера, позор Нарвского поражения, блестящая Полтавская победа. Жадные глаза широко раскрыты на мир, на ширь соленого моря, свежее дыхание которого втягивают раздувающиеся ноздри, и рука крепко сжимает плотничий топор кораблестроителя.

Иначе показан он на втором портрете. Сломлено, раздавлено сопротивление косного боярства, корабль державы поставлен на новый курс, и крепка рука кормчего. Велик размах начатого строительства, но ясен план и тверда созидающая воля. Пусть не до конца уничтожены еще гнезда темной старины, но победа нового обеспечена. Она досталась не даром. Петр на рисунке Шмаринова хранит во всем своем облике следы выдержанной борьбы.

На третьем портрете художник дает Петра-полководца. В смертельной схватке с сильным внешним врагом — шведом — пробивается новая Россия к морю, к Европе, к будущему. Рука Петра уверенным жестом бросает на врага выкованную им организованную воинскую силу. В трех листах художник дает продуманную выразительную характеристику Петра I. Он углубляет и дополняет ее отдельными штрихами в ряде листов сюиты.

В настороженном диковатом любопытстве мальчика Петра („Встреча с Лефортом“) уже ощущается ненасытная любознательность будущего саардамского плотника. Еще совсем молодым показывает его художник в „Сватовстве у Бровкиных“. Но здесь Петр — господин. Он шутит, но в шутке его — интонации властелина. Скупо и выразительно подчеркнуто это легкой вскинутостью головы, блеском полуоткрытых зубов, широкой уверенностью жеста.

Новые черты в облике Петра выступают в „Военном совете под Азовом“. Здесь первое испытание юного царя как государственного деятеля, первая постигшая его тяжелая неудача. Резок оскал маленького рта, властно закинута голова, крепким волевым напряжением сжаты руки. В голландской шляпе, в костюме рядового бюргера показан он в „Приезде в Саардам“. Жадным любопытством и какою-то мгновенной неуверенностью дышит его облик, чтобы в следующем листе он принял вид прилежного ученика-строителя, поглощенного своим делом.

Беспощадной и злой издевки полны его черты перед лицом косного боярства („Стрижка бород“). Страстное человеческое чувство раскрывается в первой встрече с Катериной. И, наоборот, все личное предстаёвляется далеко отошедшим перед лицом врага, перед решением ответственных государственных задач. Таков Петр в последнем листе — „Под Юрьевым“.

Огонь высокой стратегической мысли горит в его взгляде при разговоре с приближенными начальниками над стремительно развернутой картой („Под Юрьевым“). Если лист „Под Азовом“ показывал его как начинающего, еще не уверенного в себе полководца, то здесь Петр — мастер ратного дела, и внимательно прислушивается к нему ученый инженер Коберт.

Художник, изображая Петра, не отрывает его от среды, тесно связанной с ним. Созидательная работа Петра не была бы выполнена, если бы, сокрушая врагов, он не опирался на друзей, преданных ему до последнего дыхания,—„птенцов гнезда Петрова“.

Среди них — Франц Лефорт, ранее других угадавший гений Петра, отдавший ему и свою шпагу, и опыт, и недюжинный ум („Встреча с Лефортом“). Мы узнаем его острый профиль в тяжелой

сцене под Азовом. Здесь он не придворный, но воин и советчик. В кирасе и шарфе стоит он ближе всех к Петру.

„Алексашка", „Данилыч", в дальнейшем светлейший князь Меншиков, показан художником в нескольких листах. Неуемным и до дерзости отважным выступает он в сцене совета под Азовом, переживающим, быть может, самое тяжелое испытание своей преданности царю-другу в сцене с Катериной. Этот „счастья баловень безродный" полон жизни, огня, движения.

Вот друзья — полководцы Шереметьев, Головин, Гордон. Легко угадываются их исторически точные облики на военных листах сюиты.

Но друзьями Петра были не только приближенные сановники. Его политика опиралась, с одной стороны, на привлечение заинтересованных иностранцев, с другой — на усиление русских торговых людей. На „Ассамблее в Немецкой слободе" мы узнаем характерные черты иностранцев Петровской эпохи. Нам нет нужды угадывать их имена, исторически они безымянны, но как сословие показаны достаточно убедительно. Еще выразительнее, индивидуальнее изображены представители отечественного торгового слоя. Демидовы, Шорины, Бровкины, предприниматели и купцы, были одной из надежных опор нового государственного строя. Вот Иван Артемьич Бровкин и вся его семья, созданная новым режимом и безоговорочно преданная ему („Сватовство у Бровкиных"). Удачливых „чад" Ивана Артемьича — плененную Саньку и статного красавца Гаврилу — мы встречаем и на других листах сюиты.

Многочисленны также враги Петра. Среди них Софья, сильнейший враг внутри самого государства. Гневно встречает она петровского посланца в с. Воздвиженском. Исторически она уже побеждена, но вся ее крепкая фигура говорит о протесте и непримиримости. За нею стоят стрельцы; против преобразований Петра ее поддерживает реакционное боярство.

Непримирим и внешний враг, с которым Петр ведет упорную борьбу, отстаивая рубежи родной земли.

Но как бы ни велика была роль ближних друзей Петра, в осуществлении реформы не они обеспечили успех его дела. Успех этот в конечном счете решал народ.

„Что за эпоха для художника! Весь узел русской жизни сидит тут!" — писал Лев Толстой Страхову о петровском времени. Эта эпоха проходит перед нами в листах шмариновской сюиты.

„...если бы я не знал с детства тысячи вещей — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гаданья, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут, я наверное не мог бы так описать старую Москву... Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями. И отсюда получилось ощущение эпохи, ее вещественность..." — так писал А. Н. Толстой о своей работе над „Петром".

Работая в ином материале, художник шел по тому же пути, что и автор романа, но, следуя за ним, в сюжетах он постоянно привносил только ему присущие художественные решения. Средствами изобразительного искусства Шмаринов показывает взаимосвязь изображаемых людей, событий, среды, в которой они движутся и проходят. Он как бы переводит роман А. Н. Толстого на язык изобразительного искусства.

А. Н. Толстой высоко ценил рисунки Шмаринова, в которых его произведение получило яркое зрительное воплощение. Сюита иллюстраций к роману „Петр I" является большой творческой удачей советского художника.

Н. Вышеславцев

И38 321

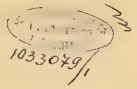
Бояре перед потешной крепостью

ГОСУДАРСТВ. ЛЕНИНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ
1033079/3

Приезд Петра в Саардам

1033079/10

Молодой Петр



Встреча Петра с Лефортом

1033079/2

Ассамблея в немецкой слободе

10330794

Перед Азовом

10330794

Спуск корабля „Предестинация"

1033079/14

Сватовство у Бровкиных

1033079/6

Петр - полководец

1033079/9

Петр на Неве

1033079/22

Петр под Юрьевым

AGRICULTURE DEPT.
1033649/25

Петровские солдаты перед скитом

1033079/13

Военный совет в палатке

1033079/B

Петр I

1033919

Петр, Меньшиков и Катерина

[illegible]
10330 79/18

Взятие Мариенбурга

1033079/17

Петр под Нарвой

1037079/15

Санька Волков в гостях у Буйносовых

1033079/11

Царевна Софья встречает посла Петра

10330795

Тянут бечевой

1033079/12

Приезд Петра в Петербург

1033079/21

Бой под Нарвой

1033079/16

Купанье царевны Натальи

1033079/20

Меньшиков под Нарвой

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1033079/23

Поездка Бровкина с Голиковым в Москву

ГОСУДАРСТВ. АКАДЕМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1033079/24